

С апреля 1959-го по апрель 1960-го Олег Куваев — начальник Чаунской партии, организованной для комплексного изучения четвертичного чехла и тектонического строения Чаунской впадины геофизическими методами. Задача — провести гравиметрические исследования в пределах Чаунской низменности, острова Айон и Чаунской губы¹. Слово Куваеву: «Чаунская низменность покрыта равниной, озерной тундрой и почти недоступна для обычного геологического изучения. В то же время знание ее структуры и мощности наносов в ней являлось принципиально важным... Происхождение острова Айон было совершенно неясным, так как он сложен песками и торфяниками четвертичных отложений, и геологические исследования коренных пород были на нем невозможны. Вообще, весь этот район относился к наименее изученным даже географически». Но наука и производство требовали данных на уровне середины XX века. «Необходимо было уяснить структуру дна Чукотского и Восточно-Сибирского морей и уя-

¹ Местность на севере Чукотки, на побережье Ледовитого океана. В Чаунской губе расположен Певек — при Куваеве поселок, а ныне — самый северный город России. В Чаунском районном геологоразведочном управлении, которое базировалось в Певеке, Куваев работал в 1958–1960 годах, после окончания Московского геологоразведочного института и получения квалификации горного инженера-геофизика.

зять воедино разрозненные блоки изученных структур Колымы, Чукотки и острова Врангеля».

Это была еще более ответственная работа, тем более что ученый мог располагать лишь небольшим набором старой аппаратуры и несколькими техниками-самоучками. Не сорвать программу Куваеву помогло то самое «вятское упрямство». Из отчета Олега Михайловича о работе Чаунской рекогносцировочной геофизической партии за 1959 год: «Заброска партии началась 25 апреля тракторами... Основные затруднения заключались в отсутствии транспорта, поэтому первоначально рейс намечалось выполнить пешком. Однако в последний момент все же удалось нанять собачью упряжку, и рейс по льду Чаунской губы был выполнен на собаках... Наступившая в первых числах июня распутица вынудила прекратить работы... Для производства повторного рейса вертолет не явился, и после 6 дней ожидания было принято решение отправиться к месту летних работ пешком, с переносом самых дефицитных грузов на себе. Этот рейс протяженностью 110 км занял 8 суток, ввиду чрезвычайной трудности перехода по весенней тундре... Сплав по рекам Угаткын и Чаун проходил в условиях острого недостатка продуктов, т. к. организация заброски базы для партии в районе холмов Чаанай руководством райГРУ не была сделана... В Певек партия возвратилась катером 15 сентября».

В записных книжках Куваева находим детали, не попавшие на страницы отчета.

13 июня

Отъехали от базы на 6 км. Сильный ветер, захлестывает волна. Из-за поломки мотора пристаем к берегу. После шестичасовой возни с мотором плывем дальше.

16 июня

Снег. Ветер. Продукты распределены на 3 дня. Норма выдачи сахара: кусок в день, галет: по три штуки на обед. Много уток...

20 июня

Люди предельно устали, по несколько минут стоят по пояс в ледяной воде, и только окрик заставляет двигаться дальше.

2 июля

Перемеряли продукты. 37 кружек гречки, 15 варок макарон. Хлеб кончился. С самого начала по 0,5 лепешки на человека. Сахар кончается. При экономии можем протянуть 10 дней.

Дождь. Ветер... Ребята в маршруте... Перевернулась лодка с продуктами... Спальные мешки пропитались водой — не поднять. Сушимся — и снова в путь. Со дня выхода не было ни одного дня с сухими ногами.

7 июля

Чуть пригрело солнце, и снова все хорошо. Утром плыли, температура была +3°. Ветер тянет лодку назад, против течения, и от мокрого весла невообразимо стынут руки. Пухнут пальцы. Мокрые ноги сводит, и спина болит. Но днем стих ветер, пригрело солнце, и опять все хорошо. Плываем дальше. Радостно причалить лодку и бежать по косе, собирая дровишки на «чифирок»!

16 августа

Солнце печет. Вот так август! И нерпы высовывают любопытные обтекаемые головы из воды. Глаза будто подведены для красоты тушью.

25 августа

Опять крепчает (в который уже раз!) ветер. Скажу прямо: страшно в темноте на волнах в такую погоду. Чтобы немного отвлечься, прошу Мишу спеть что-нибудь. Потом надумали вскипятить чай. Налили в ведро воды, на ведро — миску с бензином и сверху чайник. Все это повесили на веслах поперек бортов. Граммов 400 бензина хватило, чтобы чайник закипел.

1958 год. Отъезд молодого специалиста О. М. Куваева на место работы — на Чукотку

Отдельный сюжет — упомянутая в отчете история с собачей упряжкой: в колхозе собак не оказалось, и Куваев на лыжах пробежал 15 километров от базы партии в Усть-Чауне до землянки охотника Василия Тумлука в устье реки Лелюево: «Тумлук, низкорослый и сутуловатый, как большинство тундровых охотников, отлично говорил по-русски... Дать собак он отказался наотрез. Это было в общем-то справедливо, так как я сообщил ему, что в жизни не ездил на собаках. Ехать со мной он также не хотел, ссылаясь на занятость хозяйством. Я извлек содержимое рюкзака. Но через час добился лишь того, что Василий Тумлук стал считать меня неплохим человеком и потому подробно объяснил, почему нельзя ехать...

— Собачки устали, — объяснял Василий. — Длинный сезон, все время в работе. Сейчас весна. Тяжелый снег. Длинный перегон.

Но ехать все-таки было надо. И где-то во втором часу ночи Тумлук с этим согласился...»

Куваев заносит в записную книжку клички собак, записывает чукотские выражения... С Тумлуком они добрались до Айона, пройдя за сутки 90 километров. Обрато тронулись другим, более длинным маршрутом. «Этот затяжной непрерывный рейс продолжался около тридцати часов. После него собаки и мы два дня отлеживались и откармливались. Аня, жена Тумлука, кормила нас рыбьими брюшками, собак — обильно сдобренной жиром манкой. Нерпичьим жиром я мазал лицо, которое обгорело на весеннем солнце и воспалилось. Через два дня Тумлук сдал мне в аренду упряжку из шести собак, нарту, немного корма, подарил кухлянку, и я начал работать самостоятельно, без каюра, решив сделать как можно больше маршрутов, пока держится лед на губе», — вспоминал Куваев.

В те дни, когда партия напрасно ждала вертолета, Куваев впервые увидел розовую чайку, о которой он потом будет столько писать. Впервые эту птицу добыл английский мореплаватель Джон Росс в 1823 году на полуострове Мелвилл в Канаде. Нансен заявлял: «Я готов раз увидеть розовую чайку и умереть». Редкая птица стала символом Арктики. В 1904 году зоолог Сергей Бутурлин нашел гнездовья розовой чайки в Нижне-Колымской низменности, и долгое время считалось, что она гнездится только там. Но гнездовья обнаружили и прямо у базы куваевской партии — Олегу их показали местные рыбаки: «Мы отошли от базы не больше километра. Низовья Чауна изобилуют мелкими тундровыми озерами... Мы остановились у ничем не примечательного озера. Стая маленьких чаек кружилась над нами. Ей-богу, я не видел в них ничего особенного, необычным был только полет — чайки кружились в неровном, изломанном полете и совсем нас не боялись». Рыбак за-

1957 год, Чукотка.
Студент-дипломник Олег Куваев;
в сапоге счетчик Гейгера

стрелил одну из птиц, и она легла на ладонь Куваева: «Перья на груди были окрашены в нежнейший розовый оттенок. Такой цвет иногда приобретает белый предмет при закате солнца. Клюв и лапки были ярко-го карминно-красного цвета, верхняя часть крыльев, особенно плечи, жемчужно-серого или, скорее, голубоватого оттенка, и вдобавок шею украшало блестящее, агатового цвета ожерелье» (птица эта не в прямом смысле розовая, как фламинго; речь скорее о тонком «закатном» оттенке груди и брюшка, в полете эту розовость разглядеть непросто). Олег дал себе слово никогда не убивать эту птицу. В 1964 году он вновь встретится с ней в низовьях Колымы и сделает осторожное предположение о том, что ареал розовой чайки расширяется. В 1986 году журнал «Вокруг света» сообщил о новых находках гнезд розовых чаек на востоке Таймыра, в низовьях Лены, в Гренландии, на Камчатке... Розовая чайка, один из любимых куваевских образов, — это не синица в руках и даже не журавль. «Люди, видевшие ее, навсегда заболели двумя болезнями: противоестественной тягой к полярной стуже и отвращением к суете обыденной жизни», — говорится в «Тройном полярном сюжете» Куваева (сначала эта повесть, первый вариант которой написан еще в 1961 году, называлась «Розовая чайка», затем она выходила как «Птица капитана Росса»). Прототипом главного героя повести Сашки

1958 или 1959 год, на Чукотке

Ивакина, которому, как уже говорилось выше, Куваев дал девичью фамилию матери и часть собственной вятской биографии, стал Альберт Калинин — «приятель по... скитаниям в тундре и по льду, собутыльник и партнер по беспутствам» («Идеальный спутник. Сильный и, главное, спокойный», — характеризует его Куваев во время полевого сезона 1959 года в записной книжке).

Интересно, что в этой повести (имеющей некоторые параллели с каверинскими «Двумя капитанами»), помимо розовой чайки, появляется целый ряд героев, мелькающих в других произведениях Куваева: чукотская девочка Анютка, «авиационный циркач» с репутацией аварийщика — бортмеханик Витя Ципер (возможный прототип — Виктор Михальченко), бичеватый Васька Феникс...

Не менее ценным для Куваева было пройти по местам, впервые описанным в середине XVIII века полузабытым мореплавателем Никитой Шалауровым —

«доброй памяти отчаянным человеком». Эта фигура (как и другие здешние первопроходцы — например, Михаил Стадухин¹) притягивала Куваева не меньше розовой чайки.

¹ Михаил Стадухин (ум. 1666) — землепроходец, исследователь Восточной Сибири, товарищ Семена Дежнева. Одним из первых достиг рек Колымы, Анадыря, Пенжины, Гижиги. В 1964 году геофизик Куваев работал в низовьях Колымы, где Стадухин в свое время поставил острог; эти впечатления отражены в рассказе «Через триста лет после радуги», который сам Куваев считал у себя лучшим. Никита Шалауров (ум. 1764) — исследователь Командорских островов, Камчатки, арктического побережья Чукотки. Пропал вместе со спутниками, пытаясь найти путь из Ледовитого океана в Тихий. «Сей неистовый человек изменил купеческому предназначению ради морской гидрографии и открытия новых земель, — писал Куваев. — Для географической науки он сделал... больше многих прославленных путешественников, но имя его более известно как символ редкого упорства и редкой неудачливости».